

Содержание

Предисловие	7
-------------------	---

Часть первая. Философия

1. Знакомьтесь — объективизм.....	17
2. Обзор «Аристотеля» Рэндалла	22
3. К молодым ученым.....	31
4. Кто решает в этике?	36
5. Психология психологизации.....	43
6. Альтруизм как умиротворение.....	56
7. Вопрос стипендий	67
8. О живых мертвецах	75
9. Религия против Америки	99

Часть вторая. Культура

10. Интеллектуальное банкротство нашей эпохи	127
11. Утрата ценностей нашей культуры	147
12. Всеобщая балканизация.....	167
13. Как надо читать (и не надо писать)	187

14. Уроки Вьетнама	196
15. Согласие жертвы	212
16. По вашей самой большой вине	224
17. «Аполлон-11»	228
18. Эпитафия культуре	250
19. Нападки из башни из слоновой кости: профессора и их война с Америкой.....	259
20. Американская школа: почему Джонни не умеет думать	288

Часть третья. Политика

21. Непрошеное представительство.....	317
22. Мечтать некоммерческой мечтою	324
23. Налоговые льготы в образовании.....	335
24. Антимонопольное законодательство: власть безумия	344
25. Торговцы связями.....	352
26. О женщине-президенте	360
27. Перевернутые моральные приоритеты	365
28. Голод и свобода.....	373
29. Как не надо бороться с социальной медициной.....	382
30. Медицина: смерть профессии	390
31. Либертарианство: извращение свободы	416
Эпилог	447
Примечания	472

Предисловие

Перед вами последний сборник статей и выступлений Айн Рэнд, который я планирую опубликовать. Это — собрание лучшего из ее работ, не вошедших в антологии. Ни одна из представленных здесь статей не была в составе ни одной книги.

Некоторые из 26 статей — короткие комментарии, адресованные читателям ее колонок в газете *Los Angeles Times* или собственных журналов писательницы. Другие — полноценные статьи из журналов и лекций, прочитанных перед разными аудиториями. Материал охватывает 20 лет — с 1961 г., когда она впервые выступила на ежегодном Форуме Форд-холла в Бостоне, по 1981 г., когда она последний раз выступала на публике, перед группой бизнесменов в Новом Орлеане.

Также я включил шесть сторонних эссе, написанных после смерти Айн Рэнд в 1982 г.: пять из них — мои выступления на упомянутом форуме, а шестое — статья Питера Шварца, редактора журнала *The Intellectual Activist*, где описываются современные события с позиции объективизма.

Содержание частей этой книги различается по объему и предмету обсуждения. Однако, как указывает подзаголовок, все эссе связаны одной темой — объективистским мировоззрением, то есть относятся к уникальной философской системе, созданной Айн Рэнд. В объективизме утверждается

капитализм в политике, опирающийся на *эгоизм* в этике, который в свою очередь базируется на *разуме* в эпистемологии. Соответственно, все содержание этой книги демонстрирует практическое применение последнего принципа, то есть истоков и сущности философской системы Айн Рэнд. Если человек полностью полагается на разум (учитывая и его философское определение, и его последствия), то все остальное не заставит себя долго ждать. Этим видением и объясняется название книги.

Культура нашего времени, как наследие двух веков кантианства, сформирована борьбой противоположных идей: она — продукт мистицизма, альтруизма и коллективизма. Нас окружают противники эпохи Просвещения, открыто выражающие свою неприязнь к разуму и склонные к разрушающим мозг наркотикам, или служению Государству, или культам, призывающим вернуться «к природе» или «к Библии». В такое время есть лишь один настоящий мятежник: тот, кто ставит под сомнение корень зла, охватывающего мир, то есть радикальный поборник разума.

Разум — это способность человека интегрировать данные органов чувств в понятия и таким образом бесконечно расширять силу своего сознания. Такая интеграция — отличительный метод познания и источник всех достижений человека: она — его единственный способ понимания и взаимодействия с фактами реальности. Другими словами, разум — это практический инструмент, самый практичный из всех, что у нас есть. Разум — это основное средство выживания человека.

Столь важная способность не может быть безнаказанно скомпрометирована или подорвана. Разум не в состоянии выполнять свою функцию поддержания жизни, если с ним обращаться снисходительно, чередуя с приступами божественного откровения. Он должен определяться как необходимый принцип человеческого существования, а затем быть подтвержденным как абсолют.

Добродетель человека, согласно объективизму, состоит не в вере, социальном конформизме или произвольных эмоциях, а в мышлении, объективности, *рациональности*, постоянной деятельности ума при достижении ценностей, как духовных, так и материальных, которых требует человеческая жизнь. Отсюда исходит этика рационального эгоизма Айн Рэнд. Такая рациональность возможна, если к индивиду относятся как к самостоятельному субъекту и не применяют силу; у него должна быть свобода думать и действовать на основе собственного суждения. Именно поэтому Айн Рэнд защищала оригинальную политическую систему США, основанную на признании неотъемлемых индивидуальных прав.

Айн Рэнд приехала в Соединенные Штаты из Советской России в 1926 г., когда ей было 21. Она была уверена, что принципы, провозглашенные отцами-основателями, сделали Америку величайшей страной в истории человечества и полной противоположностью Советской России, которую она ненавидела. Во многом США оправдали ее ожидания. Здесь она обрела свободу писать и высказываться, стала знаменитым защитником индивидуализма, встретила своего мужа Фрэнка О'Коннора, которого любила почти 50 лет. Однако интеллектуально США ее разочаровали. Когда она приехала, американские интеллектуалы были на пороге того, что сейчас называется Красным десятилетием. Они скептически относились к эффективности разума и выражали, по ее мнению, поразительные антиамериканские настроения. Сначала она едва могла поверить, что в бастионе капитализма (как она представляла себе эту страну) слышит те же фундаментальные идеи, что и в России, то есть те, от которых она сбежала.

У нее не осталось выбора, кроме борьбы с тенденцией. Она знала, к чему приводят подобные настроения (при Ленине дело ее отца было экспроприровано, при Сталине вся семья погибла). Каждой клеточкой своего тела она боролась за разум человека и его свободу, и все крупные интеллектуальные группы отреагировали злобой и обвинениями:

либералы набросились на нее как на реакционера, консерваторы — как на радикала, коммунисты — как на капиталиста, а церковь — как на атеиста. Ее взгляды были далеки от воззрений интеллектуального большинства, поскольку она боролась за обращение разрушительной тенденции вспять, и ни одна влиятельная группировка ее не поддержала.

Поддержку и восхищение она получала только от простых американцев. Многие годы я читал письма ее поклонников. Их авторы — солдаты, врачи, танцоры, генеральные директора, водители грузовиков, любознательные подростки, даже профессора и священники — благодарили за видение человека и жизни, представленное в ее романах, то видение, которое наделило их смелостью идти вперед тогда, когда они отчаянно нуждались в поддержке. Я видел, как ее окружают студенты, испытывающие те же чувства, из десятков университетов: Гарварда, Принстона, Йеля и других. Я видел очереди, когда люди ожидали на бостонском холоде по 10 и более часов, пока откроются двери в лекционный зал и в Форд-холле начнется ее выступление. Айн Рэнд предлагала людям то, чего они не могли получить в другом месте, и взамен они дарили ей свое обожание, уважение, достаток. От интеллектуалов она получила лишь ненависть.

Было несколько исключений, и среди самых выдающихся — Форум Форд-холла, организация из Бостона, которая ежегодно приглашала на свою сцену широко известных спикеров, чтобы обсудить текущие проблемы и ответить на вопросы слушателей. Подобно интеллектуальным влиятельным кругам, организаторы форума стремятся к справедливости и заявляют, что открыты для разных точек зрения. Они не лицемерят и действительно справедливы в отличие от большинства колледжей и средств массовой информации. По сути, они говорят всем инакомыслящим по фундаментальным вопросам: «Приходите и скажите, что вы думаете. Не факт, что мы согласимся, но вас слушаем». За 35 лет, что живу в этой стране, я видел немного примеров такой

справедливости. Несколько лет назад газета *The Boston Globe* описывала форум как «независимый, радикальный и неподкупный» и добавляла, что «он никогда не позволял себе быть кооптированным, упрощенным, предельно осторожным или недвусмысленным». Отношение организаторов форума к Айн Рэнд доказывает, что дань уважения не просто риторика, а чистая правда.

Когда Айн Рэнд впервые пригласили в 1961 г., она согласилась неохотно. Она не знала выдающуюся историю форума и ожидала увидеть группу разнужденных противников, но, ожидая худшего, все равно поехала — и не пожалела. В тот вечер слушатели не согласились с ней, но выслушали и засыпали умными вопросами, на которые она всегда любила отвечать. Позже она сказала мне: «Форум спонсирует многих спикеров, с кем я полностью не согласна. И это честно. Поскольку он открыт новым идеям, то действительно является интеллектуальной организацией и заслуживает поддержки». Она соглашалась выступать там из года в год, и ее поклонники ожидали ее приезда: они стали собираться в Бостоне каждый апрель, съезжаясь не только со всей страны, но и со всего мира. Однажды *The New York Times* назвала эти собрания «объективистской Пасхой». Я согласен с термином, поскольку слово «Пасха» (на англ. Easter) по одной из версий происходит от имени греческой богини утренней зари Эостры (Eostre) и символизирует веселое празднование прихода света после зимней тьмы.

Я хочу поблагодарить Форум Форд-холла за эти пасхальные собрания и за 10 самых длинных глав этой книги (многие из выступлений Айн Рэнд на форуме были перепечатаны в других антологиях). Особо хочу поприветствовать человека, олицетворяющего дух форума, — Фрэнсис Смит. Ее интеллектуальная строгость и честность, ее скрупулезная объективность и неподдельный энтузиазм к идеям и философии — все это редчайшие ценности в наше время, за которые жители Бостона должны быть ей глубоко благодарны.

Теперь я поясню структуру книги.

Первая часть «Философия» состоит из эссе, раскрывающих сущность философии объективизма. Сюда включены краткий обзор объективистского воззрения (глава 1), указание на его сходство с идеями Аристотеля (глава 2) и рассмотрение новых важных вопросов, делающих акцент на необходимости объективности в этике (главы 3 и 4), на различии между психологическим диагнозом и моральным суждением (глава 5) и на необъективной природе этики альтруизма (главы 6 и 7). Первая часть заканчивается осуждением религии, которую объективизм считает отказом от разума (главы 8 и 9).

Часть вторая «Культура» начинается с анализа современной ситуации интеллектуального банкротства (глава 10) и продолжается рассмотрением его проявлений: утраты культурных ценностей (глава 11) и возрастания числа «этнических» конфликтов (глава 12). Затем следуют глубокие размышления о недостатках трех групп: либеральных прагматиков (глава 13), консерваторов (глава 14) и бизнесменов, которых Айн Рэнд считала невольными спонсорами их собственных разрушителей, то есть университетов (глава 15). Далее анализируются два крупных культурных события. Одно трагичное: смерть Мэрилин Монро (глава 16); другое торжественное: полет космического корабля «Апполон-11» (глава 17). Последнее — одно из любимых эссе писательницы: ее свидетельское описание запуска корабля на Луну, которое красочно передает чувственную реальность, эмоциональный подъем и глубочайшую философскую причину исторического события; подобный репортаж под силу лишь величайшему мыслителю, по совместительству являющемуся писателем. Окончание программы «Аполлон» описывается в главе 18. Вторая часть книги завершается парой моих выступлений об американской образовательной системе. Первое эссе затрагивает всплеск антиамериканских настроений в наших университетах (глава 19), другое — обсуждает

антиконцептуальную методологию, разрушающую наши школы (глава 20).

В третьей части «Политика» рассматривается ряд политических вопросов с точки зрения защитника *laissez-faire*-капитализма. В эссе анализируются система квот (глава 21), общественное телевидение (глава 22), антимонопольное законодательство (глава 24), помощь другим странам (глава 25) и социальная медицина (главы 29 и 30). Также предлагается практическое решение проблемы государственной монополии в сфере образования (глава 23), оценивается роль богатства в индустриальной экономике (глава 27), разбираются причины мирового голода (глава 28) и объясняется позиция Айн Рэнд по вопросу о том, почему рациональная женщина не хочет быть президентом США (глава 26). Третья часть завершается детальным анализом такого политического движения, как либертарианство (глава 31). Айн Рэнд всегда выступала против него и считала его противоположностью своей философии. В своей статье Питер Шварц объясняет почему.

Эпилог книги, статья «Мои 30 лет с Айн Рэнд: интеллектуальные мемуары», — мой очерк о мышлении гения. Пока не готова полноценная биография Айн Рэнд, эта лекция будет моим ответом на вопрос, какой личностью она была.

Теперь несколько слов о редакторских вопросах. В начале каждой главы я указал ее источник. Помимо небольших исправлений, состоящих из исключений ненужных запятых, лекции опубликованы без изменений. В квадратных скобках я вставлял исторические объяснения или неизбежные исправления в написании. (Прошу учесть, что квадратные скобки *внутри* цитат и круглые скобки вне их принадлежат Айн Рэнд и являются ее собственными замечками.) Как правило, я следовал практике писательницы и оставлял ссылки на сноски внутри самого текста, кроме случаев, когда сноски были объемными: тогда все сноски пронумерованы и даны в конце книги.

Хочу выразить особую благодарность своей верной помощнице Дайан Лемонт за ее легкость в условиях давления и за ее терпеливую и добросовестную работу над подготовкой рукописи.

Выбор статей для сборника в основном произволен. Многие прекрасные работы Айн Рэнд я был вынужден отбросить из-за недостатка места. Если вы хотите узнать об архивах всех выпусков периодических изданий — журналов *The Objectivist Newsletter*, *The Objectivist*, *The Ayn Rand Letter*, *The Objectivist Forum* и *The Intellectual Activist* — и получить информацию о движении современных объективистов, напишите по адресу: Objectivism VR, Box 177, Murray Hill Station, New York, NY 10157*. К сожалению, из-за огромного количества писем, которые мы получаем, личные ответы невозможны. Однако вам будет выслан список литературы, чтобы вы смогли больше узнать об идеях Айн Рэнд.

ЛЕОНАРД ПЕЙКОФФ
Саут Лагуна, Калифорния,
февраль 1988 г.

* Указанный адрес сейчас недействителен. Всю информацию о творческом наследии и философии Айн Рэнд можно узнать на сайте <https://aynrand.org>. — Здесь и далее прим. ред., кроме пронумерованных.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФИЛОСОФИЯ

1

Знакомьтесь — объективизм

Айн Рэнд

*Это эссе — первая из газетных колонок, написанных Айн Рэнд.
Оно было напечатано в Los Angeles Times 17 июня 1962 г.*

На конференции в издательстве Random House, предшествующей выходу романа «Атлант расправил плечи», один из книжных торговых агентов попросил меня в двух словах представить суть моей философии. Я сказала:

1. *В метафизике:* объективная реальность.
2. *В эпистемологии:* разум.
3. *В этике:* эгоизм.
4. *В политике:* капитализм.

Если перевести эти принципы на простой язык, то звучат они так:

1. «Чтобы повелевать природой, ей нужно повиноваться»*
или «Желание этого не делает»**.

* Известное высказывание Фрэнсиса Бэкона.

** Перевод названия песни «Wishing Won't Make It So» популярного в 1950–1960-х годах американского дуэта The Everly Brothers.

2. «Один пирог два раза не съешь»*.
3. «Человек — цель сама по себе».
4. «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!»**.

Если вы последовательно придерживаетесь этих принципов, считая их основой своих убеждений, то в ваших руках оказывается совершенная философская система, способная указывать направление вашей жизни. Но вам необходимы невероятные умственные усилия, чтобы обеспечить такую последовательность, чтобы понять, определить, доказать и применить эти принципы. Именно поэтому философию нельзя обсуждать ни стоя на одной ноге, ни на двух, ни играя на два лагеря. Последняя позиция является сегодня доминирующей, особенно в сфере политики.

В рамках колонки я могу дать лишь кратчайший обзор своих убеждений, отправную точку своих дальнейших рассуждений. Моя философия, объективизм, утверждает:

1. Реальность существует как объективный абсолют: факты реальности тождественны и не зависят от чувств, желаний, надежд или страхов человека.
2. Разум (то, что идентифицирует и обобщает материал, предоставляемый органами чувств) — единственный способ человека воспринимать реальность, его единственный источник знаний, его единственный проводник для действий и его единственный способ выживания.
3. Каждый человек — самоцель, но никак не средство для достижения целей других. Он должен существовать ради самого себя, ни жертвуя собой в пользу остальных

* «You can't eat your cake and have it, too» (английская пословица).

** Этой фразой 23 марта 1775 г. закончил свою речь против британского правления в колониях Патрик Генри, представитель законодательного собрания Вирджинии.

и не принося других в жертву себе. Преследование своих личных *рациональных* интересов и своего собственного счастья — высшая моральная цель его жизни.

4. Идеальная политическая и экономическая система — *laissez-faire**-капитализм. Это система, где люди сотрудничают не как жертвы и палачи, не как рабы и хозяева, а как *торговцы*, посредством свободного и добровольного обмена, направленного на взаимную выгоду. Это система, где ни один человек не получает ценностей, обращаясь к физической силе, и *ни один человек не может инициировать ее применение против других*. Государство функционирует как полицейский, защищающий права человека; оно использует физическую силу *только* в ответ и *только* в отношении тех, кто сам использовал подобную силу, например преступников или интервентов. В системе всецело реализовавшегося капитализма государство и экономика должны быть полностью отделены друг от друга (чего исторически так и не произошло) по тем же причинам, по которым церковь отделена от государства.

Капитализм — система, берущая свое начало в Соединенных Штатах. Ее успех, прогресс и достижения не имеют аналогов в человеческой истории. Политическая философия Америки основывалась на праве человека на его собственную жизнь, свободу и стремление к счастью, то есть на праве человека жить ради самого себя. Это право стало *неявным* моральным кодексом Америки, но оно не было четко сформулировано. Отсутствие ясного определения стало брешью в интеллектуальной броне страны, и именно оно сейчас разрушает ее изнутри. Америка и капитализм погибают из-за недостатка морального фундамента.

Разрушитель — мораль альтруизма.

* *Laissez-faire* (принцип невмешательства) — позиция минимального вмешательства государства в экономику.

Альтруизм утверждает, что у человека нет права жить ради себя, что служение остальным — единственное моральное оправдание его существования и что самопожертвование — его высший моральный долг. Политически альтруизм выражен коллективизмом, или *этатизмом*, который заявляет, что жизнь и деятельность индивида принадлежат государству (обществу, группе, банде, расе, нации) и что государство может распоряжаться им по своему усмотрению ради так называемого племенного, то есть коллективного, блага.

«С самого начала Америку разрывали столкновения ее политической системы с альтруистической моралью. Капитализм и альтруизм несовместимы; они не могут сосуществовать ни в одном человеке, ни в одном обществе. Сегодня этот конфликт достиг своего пика. Выбор прост: либо новая мораль рационального личного интереса с ее последствиями в виде свободы, справедливости, прогресса и человеческого счастья на земле, либо примитивная мораль альтруизма с ее рабством, грубой силой, постоянным террором и жертвенными печами» («Для нового интеллектуала» (For the New Intellectual)).

Вы можете видеть воплощения альтруизма и этатизма по всему миру. Например, исправительно-трудовые лагеря Советской России, где 21 миллион политических заключенных работают на строительстве государственных объектов и погибают от *запланированного* недоедания, где человеческая жизнь дешевле еды. Или газовые камеры и массовые бойни в нацистской Германии, или голод и ужасы коммунистического Китая, или кубинскую истерию, где государство за деньги продает людей. Или Берлинскую стену, на которую беглецы прыгают с крыш или сползают по водосточным трубам, пока охранники стреляют в бегущих *детей*.

Обратите внимание на эти злодеяния и спросите себя, что из этих фактов стало бы возможно, если бы люди не согласились с идеей о том, что человек — жертвенное животное, которое можно уничтожить ради «общественного

блага». Прочтите речи лидеров указанных стран и спросите себя, какие аргументы они бы использовали, если бы слово «жертва» считалось не моральным идеалом, а антигуманным злом, чем оно и является.

А *затем* вслушайтесь в речи своих нынешних лидеров (Кеннеди) и спросите себя о том же еще раз.

2

Обзор «Аристотеля» Рэндалла

Айн Рэнд

Книга Джона Германа Рэндалла «Аристотель» была опубликована издательством Columbia University Press в 1960 г. Данный обзор появился в The Objectivist Newsletter в мае 1963 г.

Если и есть философский Атлант, который на своих плечах держит всю западную цивилизацию, то это Аристотель. Ему возражали, неверно толковали его мысли, выставляли в плохом свете, а его учение, как аксиому, обращали против самого философа. Хотя весь интеллектуальный прогресс зиждется на его достижениях.

Аристотеля можно рассматривать в качестве культурного барометра западной истории. Преобладание его влияния прокладывало путь самым блестящим эпохам; его ослабление влекло за собой и угасание человечества. «Возвращение» философии Аристотеля в XIII в. привело к эпохе Возрождения. Интеллектуальная контрреволюция повернула людей обратно к пещере Платона, то есть к антиподу Аристотеля.

В философии существует единственная фундаментальная проблема: познавательная действенность человеческого разума. Противостояние Аристотеля и Платона — это противостояние разума и мистицизма. Платон сформулировал большинство основных философских вопросов — и не смог

на них ответить. Аристотель же заложил основу для большинства ответов. Таким образом, противостояние этих мыслителей отражает когнитивные метания человека, стремящегося найти обоснование особенностей своего сознания.

Сегодня философия опустилась ниже полемики «Аристотель против Платона» — до примитивных споров Парменида с Гераклитом, чьи ученики не смогли совместить понятие интеллектуальной определенности с феноменом изменчивости. Элеаты, утверждавшие, что любое изменение нелогично, что в любом столкновении разума и реальности вторую можно сбросить со счетов и поэтому изменение — это иллюзия, выступали против последователей Гераклита, утверждавших, что сбрасывать со счетов нужно разум, что знание — это иллюзия и нет ничего, кроме изменений. По-другому: сознание без реальности против реальности без сознания. Или: слепой догматизм против циничного субъективизма. Или: рационализм против эмпиризма.

Аристотель стал первым, кто обобщил факты тождественности и изменчивости, таким образом найдя решение древней дихотомии. Точнее, он заложил основу и определил метод, по которому решение может быть найдено. Необходимо закрыть глаза на все его работы, чтобы вновь увидеть эту дихотомию. Даже после эпохи Возрождения она все еще в разных формах держится на плаву и всегда целится в понятие тождественности, сомнительными способами пытаясь продемонстрировать обманчивость, ограниченность и бессилие разума.

Понадобилось несколько веков неверного толкования работ Аристотеля, чтобы сделать из него «соломенное чучело», объявить его недееспособным и тем самым выпустить сильнейший поток иррациональности, который сбивает с ног современную философию и несет нас обратно — к досократикам, в прошлое западной цивилизации, в доисторические болота Востока через экзистенциализм и дзен-буддизм.

Сегодня Аристотель — забытый философ. Вокруг шатается прилизанная молодежь, бубнящая изношенные софизмы

V в. до н.э. о том, что человек ничего не знает, в то время как их небритые товарищи говорят о познании на уровне инстинктов.

Именно в этом контексте необходимо оценить значимость необычной книги Джона Германа Рэндалла под названием «Аристотель» (Aristotle).

Спешу заметить, что все написанное выше — исключительно мои замечания, а не мистера Рэндалла. Он не презирует современную философию так, как она того заслуживает: кажется, он даже разделяет некоторые из ее ошибок. Тема его книги — актуальность и важность Аристотеля по отношению к философским вопросам нашей эпохи. Книга выступает попыткой снова вынести на свет учения Аристотеля, достать их из хаоса неверных толкований средневековых мистиков и современных платоников.

«Несомненно, — пишет он, — [Аристотеля] можно назвать самым страстным умом в истории: его свет проливается на каждой странице, почти в каждой строчке. Его трактаты с неразборчивыми записями отражают не холодную мысль, а страстные поиски хладнокровной истины. Для него не существует “середины”, умеренности в интеллектуальном совершенстве. “Теоретическая жизнь” для него не просто тихое, спокойное и лишённое эмоций созерцание, но горящая и чрезмерная, без границ и рамок жизнь νοῦς’а*, теории, интеллекта».

Профессор Рэндалл указывает, что первые ученые Нового времени отвергали Аристотеля в знак протеста против его религиозных толкователей, однако ранние научные открытия, по сути, обладали непризнанной аристотелевской основой и воплощали то, что подразумевалось учениями древнегреческого философа.

Указав на эпистемологический хаос современной философии как на следствие механистической философии природы И. Ньютона, Рэндалл пишет: «Любопытно наблюдать,

* νοῦς (др.-греч.) — нус, то есть разум, ум.

как благодаря возможностям XVII в. возродить теории Аристотеля мы, вероятно, спасли несколько веков от неразберихи и ошибок... Там, где мы лишь строим догадки, Аристотель предельно ясен, убедителен и плодотворен. Подобная характеристика верна по отношению ко многим его аналитическим результатам: его учению о целесообразности природы и всего мирового процесса (телеологии); его взгляду на необходимость не как на простую и механическую, а как на гипотетическую; его понятия бесконечности как потенциального, а не актуального; его утверждения о конечности Вселенной; его учения о движении; его понимания времени не как абсолюта, а как величины, то есть системы, фиксирующей изменения; его представления о пространстве как о системе мест, занимаемых телами. Аристотель был прав во многих вопросах, в то время как последователи И. Ньютона в XIX в. ошибались».

Возражая «бесструктурному миру Д. Юма, в котором “за чем угодно может последовать что угодно”», профессор Рэндалл пишет: «Взгляду, которого придерживались мегарики, Аристотель отвечает жестким отрицанием. Нет ничего, что может стать чем-то, кроме себя самого. Вещь может стать только тем, что дано ей особой силой, только тем, чем она уже *есть*, в каком-то смысле, потенциально. Любой предмет надо понимать как особую сущность особой силы; в то время как становление можно понимать только как действие, обновление, деятельность сил субъекта или их носителя».

В современной философии крайне редко можно встретить ясное и выразительное изложение аристотелевской системы с точки зрения ее основополагающих принципов (чего не скажешь о бессмысленных мелочах, в которых копошатся сегодняшние якобы мыслители), и этой характеристики достаточно, чтобы говорить о важности книги профессора Рэндалла, несмотря на ее недостатки.

Недостатков, к сожалению, много. Автор описывает свою книгу как «сделанное философом очертание Аристотеля».

Поскольку в работах Аристотеля присутствует много противоречивых элементов и неясных пассажей (которые нередко поднимают вопрос об их принадлежности древнегреческому мыслителю), именно в силах философа (в разумных пределах) определить, какие нити сильно разорванной ткани можно представить как «аристотелевские». Однако нет ничего бесконечного и неопределенного, включая самого Аристотеля. А пока профессор Рэндалл пытается отделить свое представление от своего же толкования, что не всегда приводит к успеху. Одни его трактовки сомнительны, а другие выходят далеко за границы допустимого.

Например, он объясняет подход Аристотеля к знанию так: «Обладать знанием для него — очевидный факт... Он видит сущность проблемы в вопросе: “В каком мире возможно знание?” Что факт наличия знания говорит о нашем мире?» Это форма «предшествующей уверенности сознания» — утверждения, что человек может сначала обрести знание, а затем выяснить содержание этого знания, таким образом превращая мир в производную сознания; это картезианский подход, который Аристотель себе и вообразить не мог и который упорно опровергает сам профессор Рэндалл на протяжении всей книги.

У большинства недостатков книги один источник — неспособность или нежелание автора порвать с современными предпосылками, методами и терминологией. Проницательность, с которой он рассматривает идеи Аристотеля, исчезает при его попытках поставить знак равенства между Аристотелем и современными тенденциями. Так профессор Рэндалл заявляет: «В современных понятиях Аристотель может рассматриваться как бихевиорист, операционалист и контекстуалист» (а далее в тексте как «функционалист» и «релятивист»). Данные понятия настолько необоснованны и обобщены, что вообще теряют какое-либо значение.

У этих понятий нет точного определения, и они используются в современном философском языке как «мобильные»,

то есть передающие ассоциации, но ничего не обозначающие. Однако даже их общепринятые коннотации настолько анти-аристотелевские, что заставляют человека задаться вопросом, кому мистер Рэндалл пытается что-то объяснить — современникам или Аристотелю. В книге есть несколько параграфов, говорящих в пользу обоих предположений.

С одной стороны, профессор Рэндалл пишет: «То, что мы можем знать вещи такими, какие они есть, что такое знание возможно, — это факт, который Аристотель стремится объяснить и не пытается, в отличие от Канта и его последователей, отрицать или отделаться от него». И вот: «Несомненно, любое толкование факта “знания”, будь оно кантианским, гегельянским, позитивистским, прагматистским или любым другим, кажется плодотворным, последовательным и лишенным пробоев, нерешаемых проблем и бессмысленных вопросов, только когда оно исходит из аристотелевского подхода и развивает его дальше... только в той мере, в какой оно построено на основе философии Аристотеля». (Хотя можно спросить: что останется от И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, Дж. Дьюи и позитивистов, если с них сорвать их не-аристотелевские элементы.)

С другой стороны, профессор Рэндалл, кажется, превращает Аристотеля в зыбкое сочетание лингвистического анализа и гераклитовского диалектика, как если бы язык и реальность могли восприниматься как два отдельных, ничем не соединенных измерения. Подобная позиция видна в следующих высказываниях: «Когда [Аристотель] продолжает изучать, что такое существование... он приходит к формулировке двух наборов различий: первый соответствует пониманию любой “вещи”, или *ousia*, как предмета обсуждения, а другой — как результата становления, как действие или деятельность сил и в итоге как саму деятельность, то есть активность».

Однако у Аристотеля есть ответ на дихотомию «структурализм–функционализм» профессора Рэндалла, и этот

ответ сегодня чрезвычайно важен. Ответ древнегреческого философа полностью исключает указанную дихотомию, и потому ее невозможно решить через причисление Аристотеля к функционалистам, утверждающим, что вещи — это чистое становление.

Лучшими местами в книге Рэндалла можно назвать VIII, IX и XI главы, особенно последнюю. В обсуждении важности биологических воззрений Аристотеля и «биологической мотивации мысли философа» Рэндалл проливает свет на такой аспект аристотелевской системы, который крайне редко освещается в современных дискуссиях и который более глубинен, чем вопрос аристотелевского «функционализма». Этот аспект состоит в том, что центральное место в философии Аристотеля отдано живым существам, то есть феномену *жизни*.

Для Аристотеля *жизнь* — это не необъяснимая, сверхъестественная тайна, а факт природы. И сознание — это естественный атрибут живых существ, их природная сила, их особый способ *действовать*, а не бесконтрольный элемент в механистической вселенной, с которым надо разобраться в терминах неодушевленной материи; не мистическое чудо, несовместимое с физической реальностью, чей источник находится в другом измерении. Для Аристотеля «жизнь» и «знание» — это факты реальности; разум человека является не искусственным, не сверхъестественным, а *природным*, и именно *здесь* сокрыто величие Аристотеля, того огромного расстояния, которое отделяет его от других мыслителей.

Жизнь и ее высшее проявление, человеческая жизнь, — основной принцип в аристотелевском взгляде на реальность. И лучший способ его описать — сказать, что философия Аристотеля «биоцентрична».

В размышлениях Аристотеля доминирует активная озабоченность изучением живых существ, его неизменный подход «*за жизнь*». В странно неопределенной манере профессор Рэндалл, кажется, разделяет этот подход, который, несмотря

на все противоречия, объединяет взгляды Рэндалла с Аристотелем.

«Жизнь — это цель живых существ, — пишет профессор, — поскольку они существуют ради того, чтобы жить». И еще: «Никакой вид не подчинен целям и интересам другого вида. В биологической теории цель, которой служит структура любого конкретного вида живых существ, — это благо, “выживание” этого вида». И, размышляя над целями и выводами естественных процессов, он пишет: «Только в человеческой жизни эти цели и выводы определены сознательно, только у людей есть цели. Для Аристотеля даже у Бога нет цели — только у человека!»

Худшее в этой зачастую очаровательной книге кроется в XII главе, где обсуждается этика и политика. Здесь противоречия очевидны даже без обращения к текстам Аристотеля. Поразительно читать следующее утверждение: «Этика и политика Аристотеля — его наивысшее достижение». Таковыми они отнюдь не являются даже в своем оригинальном виде, не говоря уже о версии профессора Рэндалла, превратившего их в этику прагматизма.

Еще поразительнее узнать, что Аристотель, оказывается, радел за государство «всеобщего благосостояния». Какие бы недостатки ни были в политической теории Аристотеля (а их много), он не заслуживает подобного издевательства.

Профессору Рэндаллу, подчеркивающему, что знание должно основываться на эмпирическом опыте, следует хорошо ознакомиться с тем фактом, что историческое влияние философии Аристотеля (особенно его эпистемологии) вело в направлении индивидуальной свободы, освобождения человека из-под власти государства, что Аристотель (через Локка) был философским отцом Конституции Соединенных Штатов и, следовательно, *капитализма*, что именно Платон и Гегель, а не Аристотель, стали философскими предшественниками всех тоталитарных государств, возглавляемых, например, такими правителями, как Бисмарк, Ленин или Гитлер.

«Аристотелевский этатизм» — это понятийное противоречие и, возможно, подсказка к решению конфликта, не позволяющему наделять книгу профессора Рэндалла большей ценностью.

При критическом прочтении эта книга все же обретает высокую значимость в изучении философии Аристотеля. В труде Рэндалла дается краткое и всеобъемлющее изложение, в котором так нуждаются и которое так ищут многие люди, но не могут найти. Особой ценностью книга обладает для студентов колледжей, поскольку дает им отправную точку и ясное резюме обширной философской системы, а также способна помочь им усвоить смысл тех вопросов, которые фрагментарно и непонятно преподаются на курсах по философии Аристотеля.

Книга профессора Рэндалла еще более важна в культурном плане — как шаг в верном направлении, как признание того факта, что великий целитель, необходимый нашей умирающей философской науке, — это Аристотель и что выйти из интеллектуального хаоса настоящего мы можем только с помощью *аристотелевского* подхода.

«Очевидно, — пишет профессор Рэндалл, — что Аристотель не сказал всего; но без того, что он сказал первым, все остальные слова были бы бессмысленны, и об этом не стоит забывать».

3

К молодым ученым

Айн Рэнд

Эти заметки прочитаны в Массачусетском технологическом институте в марте 1962 г. Они обращены к «студентам — будущим ученым Америки». Перепечатано с отредактированной версии в журнале The Objectivist Newsletter за октябрь 1962 г.

Мы живем в мире, где каждая социальная группа борется за собственное разрушение и делает это быстрее, чем ее противники могли бы надеяться, где каждый индивид — враг самому себе, а все человечество на сверхзвуковой скорости мчится в пропасть Темных веков с ядерной бомбой в одной руке и кроличьей лапкой в другой.

Самый страшный парадокс нашей эпохи состоит в том, что разрушение человеческого разума, мышления, логики, знания и цивилизации совершается во имя и с согласия науки.

Понадобились века и тысячи страниц, чтобы довести нашу культуру до ее нынешнего состояния банкротства, — и еще тонны бумаги должны быть исписаны, чтобы разоблачить, оказать сопротивление и предотвратить полный интеллектуальный коллапс. Однако из всех смертоносных теорий, которыми вас сейчас разрушают, я хотела бы заострить внимание на самой опасной и важной: якобы существующей дихотомии науки и этики.

Вы слышали об этой теории так часто и из такого количества источников, что многие из вас воспринимают ее как

должное, как аксиому, как абсолютную истину, которой научили вас те, кто говорит, что абсолютных истин не существует. Эта доктрина о том, что наука и этика (или знания и ценности человека, его тело и душа) — две отдельные, противоборствующие стороны существования человека и что он зажат между ними как коварный и вечный предатель.

Наука, говорят вам, это область разума, а этика — область высшей силы, ставить под сомнение которую слабый и ненадежный человеческий интеллект не способен. Какой силы? *Эмоций.*

Прежде чем согласиться с этой доктриной, точно определите, о чем она говорит. (Помните, что этика — это система ценностей, которая руководит предпочтениями и действиями человека, определяющими цель и направление его жизни.) Она указывает, что *вы*, ученые, способны открывать новые знания, но не способны судить о том, какой цели они служат. *Ваше* суждение должно быть опущено, если, когда и *потому* что оно рационально, в то время как цели будут определяться неразумными представителями человечества. *Вы* создаете средства, но *они* выбирают цели. *Вы* должны работать и в полной мере использовать всю силу, энергию и гениальность своего разума, стремясь к лучшему результату, совершать великие открытия, но «вышестоящие» другие будут распоряжаться вашими достижениями по милости и приказам своих *эмоций*. Ваш *разум* должен быть оружием и слугой их *прихотей*. *Вы* должны создать водородную бомбу, но грозная русская человекоподобная обезьяна решит, когда и на кого она *захочет* ее сбросить. *Вы* не должны спрашивать почему, *вы* должны лишь делать и предоставлять оружие другим.

Начиная с платоновского «Государства» все этатисты и коллективисты с тоской смотрели на муравейник как на социальный идеал. Муравейник — сообщество взаимозависимых насекомых, где каждый вид или класс физиологически способен выполнять лишь одну функцию: одни — дойные коровы, другие — труженики, немногие — управленцы.

Долгое время планировщики коллективизма мечтали о том, чтобы создать идеальное общество методами евгеники, выращивая людей так, чтобы разные касты могли физически выполнять только заданную функцию. В таком обществе *вам* была бы отведена роль дойных умов, людей-компьютеров, которые бы производили что угодно по первому требованию и были бы биологически неспособны ставить под сомнение приказы обезьяны, раздающей продуктовые талоны.

Устраивает вас такая перспектива?

Я не утверждаю, что эта цель когда-либо будет физически достигнута. Я говорю о том, что она уже достигнута политически и интеллектуально. Политически — среди ваших так называемых коллег в Советской России, интеллектуально — в разуме каждого индивида, который соглашается с дихотомией науки и этики.

Я уверена, что многих из вас сфера науки привлекла именно такой дихотомией: чтобы убежать от истерического, мистического, субъективистского, эмоционального хаоса, в который современные философы превратили этику, и чтобы найти ясную, понятную, рациональную и *объективную* сферу деятельности.

Вы не нашли ее: не потому, что она не существует, а потому, что она не может быть найдена без помощи ясной, понятной, рациональной и *объективной* философии, частью которой является этика. Искомая сфера не будет найдена, пока вы не осознаете, что человек не может существовать наполовину ученым, наполовину дикарем, что все аспекты его существования есть, могут и *должны* быть предметом изучения и суждения его интеллекта и что из всех дисциплин именно *этика*, устанавливающая для человека цели, должна быть возвышена до науки.

Ни один человек или группа не может жить без системы ценностей. Если измерять уровень ее необходимости, то я бы сказала, что именно *вам*, ученым, она нужна больше всего. Природа вашей силы и *ответственности* слишком очевидна

и не требует упоминания. Вы можете прочесть об этом в каждом газетном заголовке. Несомненно, что перед любым начинанием вы должны понять, какой цели вы посвятите силу вашего разума.

Если вы не задумывались над этим вопросом, то отошлю вас к роману «Атлант расправил плечи», где есть персонаж, созданный в качестве предостережения, но с огромной надеждой, что оно окажется лишним. Его имя доктор Роберт Стэдлер.

Многое из произошедшего за последние месяцы демонстрирует критические последствия дихотомии этики и науки.

Если бы профессиональный военный стал киллером, сказав, что его новая работа всего лишь бизнес и что он не обязан знать, кто и для каких целей пользуется его услугами, его встретили бы шквалом возмущения и назвали моральным уродом. Однако он не смог бы сотворить и доли тех ужасов, которые совершили заносчивые ученые-аскеты, просто передавшие математические вычисления в руки Н. С. Хрущева, Мао Цзэдуна и их американским копиям и которые объявляют себя сторонними наблюдателями, не прочитав ни одной газеты с 1914 г.

Именно поэтому мир переживает кошмар, превосходящий любой фильм ужасов или научно-фантастическую книгу: два советских спутника вращаются вокруг Земли якобы как триумф передовой науки, в то время как здесь, на Земле, истекающий кровью и молящий о помощи маленький мальчик лежит у подножия Берлинской стены, застреленный за попытку бежать и оставленный там примитивными монстрами из доисторических времен — советскими лидерами.

Нет, это не худшее зло сегодня на Земле. Есть и серьезнее: сознание западных ученых, готовых сотрудничать на цивилизованных условиях с теми коллегами, кто отстаивает одностороннее разоружение.

Если вы только начинаете научную карьеру, вам необязательно разделять вину этих людей, но вам необходимо возродить честь науки.